

УДК 821.111 (73)

**«ИСТОРИЯ НЬЮ-ЙОРКА» ВАШИНГТОНА ИРВИНГА:
ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И КОМПОЗИЦИИ****О.Ю. КЛОС***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены особенности творческого замысла, жанра и композиции «Истории Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга с учетом его раннего творчества, а также в контексте европейской и американской просветительской литературной традиции. По-своему осмыслив исторический опыт американского народа, в «Истории Нью-Йорка» писатель осуществил романтическую реконструкцию национальной истории. Стремление раскрыть национальную тему позволило Ирвингу создать оригинальное комическое произведение, которое оценили как американские, так и европейские читатели. Для литературы США «История Нью-Йорка» стала явлением, а для творчества Ирвинга – первым серьезным достижением, определившим его литературный путь.

Введение. Творческое наследие американского писателя В. Ирвинга велико и разнообразно. Наиболее известный читателю как «отец американской новеллистики», Ирвинг проявил себя и в других жанрах. Всю свою долгую жизнь он находился в творческом поиске, что отразилось в его эссе, заметках, очерках, путевых дневниках, биографиях исторических деятелей, новеллах, сказках.

Основная часть. Пробой пера писателя можно считать иронические эссе под псевдонимом Джона-тана Олдстайла, появившиеся зимой 1802 – 1803 годов в газете «Морнинг кроникл». В них заметно влияние почитаемых Ирвингом английских просветителей, в особенности создателей сатирико-нравоописательных журналов Стиля и Аддисона. Далее в творческой биографии начинающего писателя был альманах «Сальмагунди» (*Salmagundi*) (январь 1807 – январь 1808 г.), который создавался совместно со старшими братьями Уильямом и Питером и другом Джеймсом Полдингом. По мнению А.М. Зверева, в жанровом отношении печатавшееся в «Сальмагунди» – это «...окрашенный юмором *table talk*, жанр, распространенный в просветительской публицистике и приобретший особую популярность в начале XIX века» [1, с. 63]. В.Ф. Шерстюк в диссертации «Творчество В. Ирвинга (1806 – 1824)» отмечает, что «наиболее интересной и важной частью в журнале является политическая сатира...» [2, с. 11]. По мнению этого же исследователя, «История Нью-Йорка», как и «Сальмагунди», снова продолжает сатирико-юмористические традиции английского Просвещения на американской почве, но в другой форме [2, с. 13]. А.Н. Николькин также обращал внимание на сходство «Истории Нью-Йорка» и очерков «Сальмагунди».

Склонность Ирвинга к мистификации проявилась еще в «Сальмагунди» при разработке образов холостяков и места их встречи. Читатели журнала уже тогда пытались найти тот таинственный загородный дом, в котором эти джентльмены якобы встречались и вели беседы о нравах современного Нью-Йорка. Знакомство читателя с «Историей» было организовано еще более искусно. Осенью 1809 года в одной из нью-йоркских газет появилось объявление следующего содержания: «Маленький пожилой джентльмен в старом чёрном кафтане и треуголке по имени Никербоккер некоторое время назад покинул своё жилище, и с тех пор о нём нет никаких известий. Поскольку есть основания считать, что он не совсем в здравом уме, его отсутствие вызывает большое беспокойство. Любое известие о нём будет с благодарностью принято в гостинице «Колумбия», на Малбери-стрит или в редакции газеты» [3, с. 291]. Несколько газет перепечатали объявление об исчезновении Никербоккера, а через три недели хозяин гостиницы опубликовал уведомление о том, что в покрытие неоплаченного счета он вынужден будет продать любопытную рукопись, оставленную стариком в номере его гостиницы. Этой рукописью и была «История Нью-Йорка». Итак, 6 декабря 1809 года «История Нью-Йорка от сотворения мира до конца голландской династии» (*A History of New York from the Creation of the World to the End of the Dutch Dynasty*) увидела свет.

Рассказ о Никербоккере композиционно выступает как обрамляющая новелла в повествовании о Нью-Йорке, придавая ему целостность и завершенность. Формально «История Нью-Йорка» состоит из семи книг, повествующих об основании и жизни Нью-Йорка (тогда Нового Амстердама) под управлением трех голландских губернаторов. В действительности в истории Нового Амстердама было пять голландских губернаторов. Присутствие вымышленного рассказчика Никербоккера «Историей Нью-Йорка» не ограничивается, отсылки к его образу возникают во многих «американских» новеллах писателя. Ко всем последующим историям Никербоккера Ирвинг делал приписку «Посмертный труд Дидриха Никербоккера» и «Из бумаг покойного Дидриха Никербоккера». Кроме того, в предисловии к новелле «Рип Ван Винкль» писатель рассказывает о судьбе Никербоккера и от его имени дает оценку «Истории Нью-Йорка». «О ее чисто литературной ценности бытуют разные мнения, и, честно говоря, она ни на йоту не лучше, чем можно было от нее ожидать. Главное ее достоинство состоит в скрупулезнейшей достоверности, – хотя именно на нее сперва упала легкая тень сомнения, но, впрочем, тотчас рассеялась. Сегодня

«История» прочно вошла в ученый обиход как непреложно авторитетный труд» [4, с. 188]. Таким образом, мистификация продолжалась спустя годы после публикации «Истории Нью-Йорка».

Книга несколько раз редактировалась автором и переиздавалась. В «Апологии автора» к изданию 1848 года В. Ирвинг раскрыл первоначальный замысел книги, указав, что произведение было задумано как «ни к чему не обязывающая *jeu d'esprit* (игра ума)». Вместе со своим братом Питером он намеревался написать пародию на справочную книгу С. Митчела «Картина Нью-Йорка» (*The Picture of New York or The Traveller's Guide through the Commercial Metropolis of the United States*), изданную в Нью-Йорке в 1807 году. Своё произведение Ирвинг планировал начать с исторического обзора и продолжить очерками нравов и обычаев города. В вступительном научнообразном очерке целью Ирвинга было «высмеять педантическую учёность, проявляемую в некоторых американских трудах» [3, с. 291]. Однако чем больше писатель углублялся в работу, тем очевиднее для него становился тот факт, что он отклоняется от своего замысла. Рамки пародии оказались тесны для молодого талантливого писателя. Было принято законмерное решение отказаться от написания пародии на «Картину Нью-Йорка». Кроме того, Ирвинг решил «ограничиться эпохой голландского владычества», так как обнаружил, как мало американцам известно об этом периоде их истории. «Я неожиданно понял, что то была поэтическая эпоха в жизни нашего города, поэтическая по самой своей туманности и, подобно далёким и туманным дням древнего Рима, представляющая широкие возможности для всяческих украшений, обычных в героическом повествовании» [3, с. 292]. Оказалось, что многим его согражданам было неизвестно, что Нью-Йорк когда-то назывался Новым Амстердамом, а имена его первых голландских губернаторов и вовсе были позабыты. Следует отметить, что загадочная голландская старина привлекала Ирвинга с юных лет. Родившийся в 1783 году в семье богатого шотландского торговца он успел соприкоснуться с полусказочной жизнью, сохранившейся в самом Нью-Йорке и особенно на фермах, окружавших его. Прогулки по улицам родного города, общение с друзьями голландского происхождения предшествовали созданию «Истории Нью-Йорка». При написании книги писатель поставил цель – «облечь предания о нашем городе в забавную форму, показать местные нравы, обычаи и особенности, связать привычные картины и места и знакомые имена с теми затейливыми, причудливыми воспоминаниями, которыми так небогата наша молодая страна, но которые составляют очарование городов Старого Света, привязывая сердца их уроженцев к родине» [3, с. 292]. Таким образом, писателю предстояло воссоздать картину национального прошлого, довольно бедного по сравнению с европейскими странами, но несомненно заслуживающего внимания. Американские писатели того времени осознавали недостаточность исторических ассоциаций и традиций. По словам литературоведа Г.В. Аникина: «Это побуждало американских романтиков целенаправленно утверждать историческое начало в национальной литературе, подчёркивать временные дистанции и исторические масштабы существования континента» [5, с. 62].

Следует отметить, что характерный для европейских романтиков интерес к национальной истории в Америке усиливался тем, что именно в героическом прошлом своей страны писатели пытались найти истоки формирования национального характера, национальной культуры. В определенной степени они способствовали развитию национального самосознания американцев на раннем этапе. Подход американских писателей к историческому материалу был разнообразен. Специфический сплав таланта, возраста, стиля, воспитания позволили Ирвингу создать необыкновенное по форме и содержанию произведение, отличавшее его от книг современников.

«История Нью-Йорка» обладает всеми атрибутами научного труда, изобилующего многочисленными ссылками на классиков и никому не известных авторов. Примечания даются на латинском, французском, голландском языках и, несмотря на то, что они с трудом поддаются расшифровке, вполне реальны. Весь научный аппарат, в избытке присутствующий в произведении, служит цели пародирования тех учёных исторических трудов, которые вызвали сатирическую улыбку Ирвинга. Первая книга «Истории» перенасыщена сложными сокращениями, ссылками, аббревиатурами, которые затрудняют чтение. «Подобно всем введениям в историю Америки, весьма учёная, остроумная и совершенно не идущая к делу», – так предвещает её Никербокер. Однако все это нагромождение информации не мешает внимательному читателю уловить суть. Некоторые вопросы, поднимаемые во вступительной книге «Истории», исключительно важны для американской культуры – в частности, право европейцев на северо-американский континент, заселенный индейцами.

Собственно история Нью-Йорка начинается со второй книги. Однако «правдивая летопись» в устах Никербокера превращается в «комическую историю» по замечанию самого Ирвинга. Жанровая неопределенность произведения позволяет литературоведам характеризовать его как «сатирическую псевдохронику», «героикокомическую хронику», «комическую эпопею», «бурлескную историю». Данные определения в той или иной мере отражают противоречивую природу книги, богатство стилистических средств и приемов, использованных ее автором. Несомненно, в «Истории» можно усмотреть и изложение исторических событий в их временной последовательности (что соответствует жанру хроники), и повествование, основанное на преданиях о жизни героев прошлого (что характерно для эпопей), но с обязательными оговорками. Так, достоверные факты из истории Америки чередуются с вымышленными, даты исторических событий то указываются верно, то ошибочно. Реальные исторические фигуры голландских губернаторов Нового Амстердама имеют мало общего с их образами в книге Ирвинга. Как отмечает А.Н. Николкин: «Если в первых двух книгах «Истории» писатель высмеивает учёных-педантов, то с третьей

книги, где описывается «блестящее правление Воутера Ван-Твиллера», начинается своеобразное историко-комическое травести» [6, с. 85]. Действительно, в образах голландских губернаторов и событиях, рассказанных Никербокером, современники Ирвинга без труда узнавали политических деятелей того времени – президентов Адамса, Джефферсона, Мэдисона и новейшую историю США. Так, Ю.В. Ковалев пишет: «Историческое время формально простирается здесь от «сотворения мира» до конца XVII века, но по существу своему «История Нью-Йорка» – книга о современности, написанная для современников» [7, с. 555]. В гротескных образах голландских губернаторов содержится злободневная сатира, очевидно, берущая свои корни в европейской и американской журналистике того времени. Эту особенность книги Ирвинга традиционно отмечали исследователи творчества американского писателя, в частности, в советский период. Следует также упомянуть тот факт, что американские романтики, в отличие от большинства европейских, не были непримиримыми противниками века Разума и эстетики классицизма. Отсюда – традиции Просвещения в «Истории» Ирвинга. Однако в ней уже чувствуется переход к новому, более сложному восприятию истории, характерному для романтиков.

По мнению А.М. Зверева: «Как автор «Истории Нью-Йорка», он полемизировал с распространёнными в ту эпоху представлениями о призвании и возможностях историка, восходившими к Просвещению, которое, по характеристике авторитетного современного исследователя, верило в «истинность исторического познания», способного достичь достоверности, даже имея дело с отдалёнными эпохами» [1, с. 71]. Романтическая ирония пронизывает все повествование, так как и сам автор осознает уязвимость и относительность своей исторической концепции, основанной скорее на воображении, чем на исторических фактах.

По нашему мнению, по-своему осмыслив исторический опыт американского народа, в «Истории Нью-Йорка» писатель осуществил романтическую реконструкцию национальной истории. Жанр исторического романа, столь любимый романтиками, не был близок Ирвингу. В этом отношении примечательна его дружба с признанным мастером данного жанра Вальтером Скоттом. В своем художественном творчестве американский романтик явно тяготел к малой форме, особенно – новелле. По мнению В.М. Толмачева: «Можно сказать, что его более масштабные произведения – «История Нью-Йорка» или исторические биографии и хроники по-своему новеллистичны» [8, с. 485]. Исследователь художественного метода В. Ирвинга Н.М. Мухамадеева утверждает, что «... даже «История Нью-Йорка» – это серия очерков, объединенная общим замыслом, с постоянными «лирическими отступлениями-эссе» по самым различным проблемам современности» [9, с. 18]. Именно такая свободная форма общения с читателем, не ограниченная строгими жанровыми нормами, более всего соответствовала дарованию писателя в первый период творчества, когда мягкий юмор и человечность органично сочетались с острым взглядом на вещи и юношеским задором.

Заключение. Безупречный литературный вкус, воспитанный на европейских шедеврах, многие из которых угадываются в «Истории», и стремление раскрыть национальную тему позволили Ирвингу создать оригинальное комическое произведение, которое оценили читатели по обеим сторонам Атлантики. Для литературы США «История Нью-Йорка» стала явлением, а для творчества Ирвинга – первым серьезным достижением, определившим его литературный путь. На наш взгляд, многие новеллы и очерки на американскую тематику, написанные писателем впоследствии, закономерно продолжают «Историю Нью-Йорка». Более того, удивительно, насколько свежо и современно может звучать написанное почти 200 лет назад произведение в эпоху постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев, А.М. Вашингтон Ирвинг / А.М. Зверев // История литературы США: в 7 т. – М.: Наследие, 1999. – Т. 2. – С. 55 – 96.
2. Шерстюк, В.Ф. Творчество Вашингтона Ирвинга (1806 – 1824): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Ф. Шерстюк. – М., 1965. – 20 с.
3. Ирвинг, В. История Нью-Йорка / пер. В.И. Ровинского. – М.: Наука, 1968. – 362 с.
4. Ирвинг, В. Собр. соч.: в 5 т. / пер. с англ.; вступ. ст. Стенли Т. Уильямса; коммент. С. Валова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Литература, 2002. – Т. 1: Из «Книги эскизов»; Из книги «Брейсбридж-холл»; Из книги «Рассказы путешественника». – 592 с.
5. Аникин, Г.В. Романтизм в США и Англии: некоторые аспекты сравнительного анализа / Г.В. Аникин // Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. – М.: Наука, 1982. – С. 55 – 78.
6. Николокин, А.Н. Американский романтизм и современность / А.Н. Николокин. – М.: Наука, 1968. – 412 с.
7. Ковалев, Ю.В. Литература США / Ю.В. Ковалев // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 6. – С. 551 – 582.
8. Американская романтическая проза: сб. / сост. А.Н. Николокин; коммент. В.М. Толмачев. на англ. и рус. яз. – М.: Радуга, 1984. – 528 с.
9. Мухамадеева, Н.М. Художественный метод Вашингтона Ирвинга в первый период творчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.М. Мухамадеева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 23 с.

Поступила 08.10.2008